

Петр КРАСНОВ

ЦАРЕУБИЙЦЫ

ВЕЛИКАЯ СУДЬБА РОССИИ

Петр Краснов

Цареубийцы

«Издательство АСТ»

1938

Краснов П. Н.

Цареубийцы / П. Н. Краснов — «Издательство АСТ», 1938

Исторический роман известного писателя-эмигранта П. Н. Краснова (1869–1947) рассказывает о событиях, происходивших в России во второй половине XIX века. В центре внимания автора – жизнь и судьба императора Александра II.

© Краснов П. Н., 1938

© Издательство АСТ, 1938

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	8
III	11
IV	15
V	20
VI	24
VII	26
VIII	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Петр Краснов

Цареубийцы

© ООО «Издательство Астрель», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Настоящее?.. Его у нас нет. Есть только прошлое и может быть – будущее. В прошлом будем черпать знания – чтобы совершенствовать будущее.

Автор

Часть первая

I

Вера Ишимская была в том возрасте, когда девочка превращается в девушку. Платье – уже длинное, косы уложены по-девичьи, под юбкой подкинут турнюр – маленький, последняя мода, и зонтик с длинной и тонкой ручкой, и дана некоторая самостоятельность ходить по городу без горничной и гувернантки. Но внутри, под платьем, все еще девочка. По-детски все ее трогает и волнует. Из самой же глубины душевной поднимаются неясные вопросы, сложные и неразрешимые. Душа жаждет действия. Хочется подвига, подвижничества. Что-то совершить. Вера бродит по комнатам, вдруг остановится, задумается, зажмурит глаза...

Царствовать, как Екатерина Великая – державинская «Фелица», «Богородица царевна киргиз-кайсацкия орды, которой мудрость несравненна»... Сгореть на костре, пред тем свершив подвиг!.. Жанна д'Арк!.. Стихи, заученные в детстве по-русски и по-французски, встают в памяти: Ломоносов, Державин, Пушкин, Виктор Гюго, Ламартин...

Пушкинская Татьяна?.. Фу!.. Татьяна – это вздор!..

Кисейная барышня!.. Любовь – пошлость!.. С такими-то запросами души – любовь?.. В мире и так довольно пошлости...

Откроет глаза – перед нею по стенам гравюры, литографии, картины, масляными красками писанные... Ладурнер, Клодт, Виллевалде. Развод караула... Знаменщик Семеновского полка... Группа на биваке. Белые штаны, мундиры в обтяжку, широкие лосиные ремни, черные каски с медными орлами и высокими волосатыми султанами...

Дедушкина утеха.

Вера – сирота. Она живет у дедушки – генерал-адъютанта Афиногена Ильича Разгильдяева, старого вдовца.

Ее никто и ни в чем не стесняет. Она может уходить из дому, гулять одна, зимою ходить на каток в Таврическом саду, летом гулять по Петергофскому парку. Ей верят. Она – Ишимская, она была в институте и, выйдя из третьего класса, закончила образование дома с приходящими учителями.

Вера останавливается против зеркала и долго смотрит на себя. Красива? Волосы русые – поэт-романист сказал бы: пепельные! Глаза голубые. В глазах есть нечто напряженное и смелое. Стальное! Дерзкое?! Сложена? Недурно... Кузен Афанасий говорит: «На пять с плюсом; гвардейский ремонт...¹» Лицо овальное, как в паспортах пишут, «обыкновенное»... Полюбить, увлечься?.. Не тенором же увлечься или капельмейстером Главачем?.. Фу!.. Или полюбить такого осла, как Афанасий? Щиплет горничных, говорят – имеет любовницу, французку из Михайловского театра – Мими. Какая гадость!..

Юное личико складывается в презрительную гримасу. Вера поворачивается на каблуках и идет по залу. Высокие каблуки постукивают по гладкому, натертому паркету – ток!.. ток!.. ток!.. Гренадеры, егеря, стрелки, кирасиры, уланы с гравюр и картин глядят на нее. Любуются. На колонне желтого мрамора с розовыми жилками стоит белый бюст императора Николая I – кумира деда Веры.

Вера дерзко проходит мимо. Щелкают каблучки – ток!.. ток!.. ток!..

– А ты полюбил бы?.. Ток!.. ток!.. ток!..

– Император?!

---

¹ ...гвардейский ремонт... – Преимущественно имеет отношение к восполнению убыли лошадей в войсках; в частности, может иметь отношение и к восполнению людских потерь.

Вызывающе, дерзко смотрит на холодный мрамор бюста.
– Не боюсь!..
Ток!.. ток!.. ток!..

7 июля – канун Казанской² – графиня Лиля потащила Веру в Казанский собор ко все-нощной.

Толпа народа. Все стеснилось в левой стороне собора, где на возвышении, в золоте драгоценного оклада, в блистании множества самоцветных, пестрых камней, отражавших бесчисленные огни свечек, стоял прекрасный образ.

Шел долгий акафист³. Вокруг Веры – белые кителя и сверкающие погоны офицеров; солдаты, мужики, бабы; длинные сюртуки купцов, поддевки дворников и лавочных сидельцев, платки женщин, старых и молодых. Было душно, от ладана сладко кружилась голова, пахло духами, розовым маслом, дыханием толпы, потом, сапогами, деревянным маслом. Веру толкали, хлопали по плечу свечками, шептали на ухо: «Владычице!..» – «Казанской!..» – «Празднику!..» Отравляли Веру смрадом дыхания.

Напряженные лица, страстно верующие глаза, люди усталые, потные и счастливые... Прекрасно, вдохновенно пели митрополичьи певчие. Изумительно шло богослужение. В самую душу вливались слова тропаря⁴, запоминались навсегда:

«...Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго!.. За всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего и всем твориши спастися, в державный Твой покров прибегающим...»

«Вот, вот оно где – настоящее», – думала Вера, опускаясь на колени рядом с графиней Лилей.

И у Веры лицо принимало то же умиленное выражение, какое было у графини Лили, какое было у всех молящихся вокруг образа.

От долгого стояния, от духоты, от толпы во всем теле появилась сладкая истома. Сердце преисполнилось восторга, и хотелось донести этот восторг до дому, как в детстве доносила Вера зажженную свечку от «Двенадцати Евангелий», от «Плащаницы», от «Светлого Воскресения»...

---

² 7 июля – канун Казанской... – Точнее, 8 июля – день прославления «явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани».

³ Шел долгий акафист. – «Неседельный» гимн, то есть тот, что поется стоя. Одна из форм церковного гимна, ведущего свое начало от Великого акафиста – хвалебного песнопения в честь Богородицы.

⁴ Тропарь – краткое песнопение, в котором раскрывается сущность праздника или прославляется священное лицо.

II

Эти летние дни в Петергофе, на даче деда, Вера была под обаянием глубокой веры. Зажженный огонек любви и веры она донесла до дачи на Заячьем Ремизе и продолжала нести, не гася, и дальше.

Она избегала на прогулках Нижнего сада, где много бывало народа, гуляла по тихим дорогам Английского парка, любовалась отражениями в прудах кустов и деревьев и белых стен павильонов на Царицыном и Ольгином островах.

С графиней Лилей она предпринимала далекие прогулки на высоты деревни Бабий Гон, к бельведеру и мельнице, к сельскому Никольскому домику.

Там солдат-инвалид отворял двери и показывал в шкафу за стеклом длинный черный сюртук с медалью за турецкую войну и Аннинской звездой и два девичьих сарафана.

– Сюртук этот солдатский, инвалидный, – тихим, сдержанным голосом рассказывал солдат-сторож, – государь император Николай Павлович изволили надевать на себя, когда поднесли домик государыне императрице Александре Феодоровне. Ее величество изволили часто совершать сюда прогулки, очень здесь распрекрасный вид, и как уставали они – то и повелели государь Николай Павлович, чтобы отдохновение иметь ее величеству, построить избушку. Все работы делались тайно. Когда домик был готов, государь сказали государыне, будто пойдут он с детьми в кадетский лагерь, а государыню просили обождать их в Большом дворце. И вот, значит, посылает его величество флигель-адъютанта с приказом провести государыню на это место. И тут вдруг видит государыня: на пустом раньше месте стоит красивая изба и из нее выходит отставной солдат в сюртуке Измайловского полка, вот в этом самом, с золотым галуном на воротнике и шевронами на левом рукаве, – хлеб-соль у него в руках, и просит тот солдат государыню отдохнуть в его избушке. И солдат тот был сам государь император. Входит умиленная и растроганная до слез государыня в избу, а там выстроены во фронт ее дети.

«Дозвольте, – говорит солдат, – ваше императорское величество, представить вам моих детей и просить для нас вашего покровительства. Старший мой сын, Александр, хотя и солдатский сын и всего ему минуло девятнадцать лет, а уже флигель-адъютант, и о нем я не прошу, а вот о других моя просьба. Десятилетнего Константина⁵ – благоволите, матушка-царица, определить на флот, семилетнего Николая просил бы в инженеры, а меньшего моего, Михаила, – в артиллерию. Старшую мою дочь Марию хотелось бы в Смольный институт, вторую – Ольгу – в Екатерининский, а младшую в Патриотический...» Вот в этих самых сарафанах и представлялись государыне великие княжны, как простые солдатские дочери.

– А ты знаешь, Вера, – сказала по-французски графиня Лиля, – почему император Николай I не хотел ничего просить для своего старшего сына, нынешнего нашего государя?

– Et bien?

– В эти дни государь хотел его в крепость заточить, казнить, как казнил Петр своего сына, царевича Алексея.

– Боже мой!.. Да за что же?..

– За роман с Ольгой Калиновской, на которой хотел жениться наследник и которая вышла потом замуж за графа Апраксина. Такой, говорят, скандал тогда вышел! Твой дедушка помнит, да не любит о том рассказывать.

Графиня Лиля берет Веру под руку. Она лет на шестнадцать старше Веры, старая дева, фрейлина двора и любит придворные сплетни. Они выходят из Никольского домика. Перед ними – идиллия прошлого царствования, рыцарского века, тонкого ухаживания, баллад, сонет-

---

⁵ *Константин Николаевич (1827–1892)* – великий князь, второй сын Николая I; генерал-адмирал. С 1853 по 1881 г. руководил Морским министерством. Либерал, провел ряд прогрессивных реформ в 1857–1861 гг.

тов, танцев, пастушков, пастушек, сюрпризов-подарков, альбомов со стишками и акварельными картинками, любви до гроба, мадригалов – век немного искусственной, казенной красоты, вроде тех литографий, что висят по стенам дедушкиной квартиры. Перед ними ширь петергофских полей и лугов. Ивняк растет вдоль болотистых каналов, копны душистого сена раскиданы по полям, повсюду красивые группы кустов и деревьев – прилизанная, причесанная, приглаженная природа петергофских царских затей.

За лугами и холмами – город-сказка – горит золотыми крышами дворцов и куполами церквей, густою зеленью садов и парков Новый Петергоф. За ним синь моря с прикрытым тонкой дымкой финским берегом. От Петергофа несутся звуки военной музыки, и кажется, что все это не подлинный мир – но яркая сцена нарядного балета.

Не жизнь – сказка. Сказка жизни...

...Ранним утром графиня Лиля с Верой спустились в Нижний сад и пошли по главной аллее к Дворцовому каналу.

По всей аллее между высоких лип, дубов и каштанов белели солдатские рубахи и голландки матросов. Саперы и матросы Гвардейского экипажа готовили к 22 июля иллюминацию.

Только что установили белую мачту, и молодец-матрос, краснощекий, безусый богатырь – Вере казалось, что она видит, как молодая кровь бежит по его жилам, – поплевал на руки и, ловко перебирая ими, полез на мачту. Он делал это так легко, что на него приятно было смотреть. Вера не сводила с него восхищенных глаз. Он поравнялся с вершинами деревьев, достиг верхушки мачты.

– Давайте, что ль! – крикнул он вниз веселым голосом.

И ему стали подавать канат с навешенными стаканчиками с салом.

Вдруг... Вера не могла понять, как это случилось, – сломилась ли под тяжестью матроса верхушка мачты, или он сам не удержался на ней – Вера увидела, как матрос согнулся вниз головой и полетел вниз.

Вера зажмурила глаза.

Раздался глухой стук. Точно тяжелый мешок ударился о землю... Потом наступила мгновенная тишина. Такой тишины Вера еще не знала.

Графиня Лиля тащила Веру за рукав:

– Вера!.. Идем... Какой ужас!..

Вера стояла неподвижно и с немим ужасом смотрела, как в двух шагах от нее дергалась в судорогах нога в просторных белых штанах, как налилось красивое лицо матроса несказанной мукой, потом вдруг побелело и застыло.

Толпа матросов отеснила Веру от убитого и накрыла его шинелью. Все сняли фуражки и стали креститься.

Ужас смерти коснулся Веры.

...Вера еще никогда не видала мертвецов. Ее родители умерли в деревне, когда она была в институте, и Веру не возили на похороны. Она не знала сурового безобразия смерти. Ей не пришлось бывать на похоронах. Иногда только на прогулке вдруг встретит шествие. Но в нем нет безобразия смерти. Шестерка лошадей везет колесницу, сплошь покрытую цветами и венками, сзади ведут лошадь, звучит торжественный похоронный марш, и мерным шагом под грохот барабанов идут войска. Пахнет примятым ельником, еловые ветки разбросаны по дороге. Вера остановится и смотрит на войска; совсем как у дедушки на картинах. О покойнике в гробу она и не вспомнит. По привычке бездумно перекрестится – так ее учили.

Эта смерть матроса была первая смерть, которую Вера увидела на пороге своей девичьей жизни, и она ее поразила, пронзила такую страшную несправедливостью, что Вера потеряла все то настроение умиленности, что жило в ней эти дни.

– Идем же, Вера, – настаивала графиня Лиля, а сама тряслась всем телом и не двигалась с места.

Лазаретный фургон рысью ехал по аллее. Матросы несли убитшегося, и между их спинами Вера увидела белое страшное лицо.

Знакомый офицер, мичман Суханов, подошел к Вере и графине Лиле.

– Николай Евгеньевич, – спросила графиня Лиля, – неужели?.. Совсем?

– Да... Убился... Судьба... Кисмет. Доля такая...

– Убился?.. Что же это? – сказала Вера.

– Сорвался... Это бывает... Молодой...

– Бывает... – с негодованием говорила Вера, сама не помня себя. – На потеху публике... Иллюминацию готовили!.. Потешные огни! У него же мать!.. Отец!..

– Это уже нас не касается, – сухо сказал офицер. – Несчастный случай.

– Вера!.. Вера! – говорила графиня Лиля. – Что с тобой? Подумай, что ты говоришь!

Вера шла, опустив голову. Та свеча, что донесла она от Казанской, была загашена этим глухим стуком живого человеческого тела о землю. Ее душа погрузилась в кромешный мрак, и только выдержка – следствие воспитания – заставляла Веру идти с графиней и Сухановым к дому. Она тряслась внутренней дрожью, и все ей было теперь противно в том прекрасном мире, который ее окружал.

III

Вера не хотела выходить на смотр экипажей и выездов и к завтраку, хотела отговориться нездоровьем. Генерал второй раз присылал за нею.

В комнате Веры графиня, стоя перед зеркалом, пудрила нос.

– Боже!.. Как загорела! – говорила она. – И нос совсем красный. И блестит!.. Какая гадость!.. Тебе хорошо, в твои восемнадцать лет и загорать – красота, а мне нельзя так загорать... И полнею тут. Прогулки не помогают...

Блестящие черные глаза графини Лили были озабочены. Она подвила спереди челку, поправила шиньон. Вера смотрела на нее с ужасом. «Как может она после того, как тут убился матрос, думать о своей красоте!..»

Графиня Лиля заглянула в окно.

– Вера, – сказала она, – тебе пора садиться в брэк. Генерал уже забрался на него. Когда тебе перевалило за тридцать, милая Вера, нужно обо всем подумать. Что-то нам покажет Порфирий?.. Догадываюсь... Думаю, что я даже отгадала... Идем, Вера!..

На дворе высокий худощавый генерал, в длинном сюртуке с золотым аксельбантом, в фуражке, сидел на козлах высокого брэка. Рослые воронные кони не стояли на месте. Державший их под уздцы грум побежал помочь Вере забраться на козлы. Две белые собаки в мелких черных пятнах, точно в брызгах, два керрич-дога, приветливо замахали хвостами навстречу Вере.

– Флик!.. Флок!.. На место! – крикнул генерал. – Вера, опаздываешь!

Собаки покорно побежали к передним колесам экипажа. Генерал ту же натянул вожжи, и воронные кони, постепенно набирая ход, сделали круг по усыпанному песком двору и выехали за ворота на шоссе.

Гости генерала пестрой группой стояли на деревянном мостике, перекинутом через шоссе-канаву у входа в сад. Впереди всех – баронесса фон Тизенгорст, старый друг генерала и большая лошадица, у нее в Лифляндской губернии был свой конный завод; подле нее молодой, с темно-русыми бакенбардами, крепко сложенный, коренастый, красивый лейб-казачий ротмистр Фролов, тоже коннозаводчик, французский военный агент Гальяр, бойко говоривший с графиней Лилей, тщательно картавившей с настоящим парижским шиком, и пришедший вместе с Верой и графиней Суханов ожидали выездов. Несколько позади стояли Карелин, чиновник иностранных дел в форменном кителе, и полковник Генерального штаба Гарновский, приятель сына генерала Порфирия.

– Русские женщины удивительны, – говорил Гальяр, – они говорят по-французски лучше, чем француженки.

– Oh, mon colonel, вы мне делаете комплименты! Французский язык родной для меня с детства.

– Я полагаю, графиня, – серьезно сказала баронесса фон Тизенгорст, – нам лучше сложить зонтики, чтобы не напугать лошадей. Лошади генерала не в счет, их ничем не испугаешь, но Порфирия Афиногеновича и особенно Афанасия, бог их знает, что у них за лошади.

– Скажите, баронесса, – обратился к Тизенгорст Карелин и вставил в глаз монокль, – это правда, что никто, и Афиноген Ильич в том числе, не знает, что готовят ему сын и внук?

– Совершеннейший секрет, милый Карелин, – сказала графиня Лиля по-французски. – Никто того не знает. Порфирий Афиногенович готовил свой выезд в Красном Селе, а Афанасий в Царском.

– Неужели никто не проболтался? – сказал Гарновский.

– Никто. Ведь и вам Порфирий Афиногенович ничего не говорил и не показывал. И нам предстоит решить, чей выезд будет лучше, стильнее и красивее.

– Во Франции такие конкурсы уже устраиваются публично в Париже, – сказал Гальяр.

– Но мы еще, милый Гальяр, не во Франции, – улыбаясь, сказала графиня Лиля.

– Если выезды будут одинаковые – это возможно, – мягким баском сказал Фролов, – генеральский выезд мы все знаем, но я никак не могу себе представить Порфирия в немецком брэке и с куцо остриженными хвостами у лошадей... Да вот и его высокопревосходительство.

Воронье кони просторною рысью промчались мимо судей по шоссе. Генерал сидел, как изваяние, прямой и стройный, рядом с ним без улыбки на бледном, грустном лице сидела Вера. Грум, сложив руки на груди, поместился сзади, спиной к ним. Керрич-доги дружной парой бежали у переднего колеса, и было удивительно смотреть, как собаки поспедали за широкою машистою рысью высоких, рослых коней.

– Прекрасны, – сказал Фролов.

Генерал свернул на боковую дорогу, объехал кругом, подкатил к гостям и беззвучно остановил лошадей. Грум соскочил с заднего места и стал против лошадей у дышла. Собаки, разинув пасти и высунув розовые языки, улеглись подле колеса.

– Картина, – сказал Фролов. – Что, в них четыре вершка с половиной будет?

– Полных пять, Алексей Герасимович, – с козел отозвался генерал.

– Настоящие, ганноверские, – сказала баронесса фон Тизенгорст. – Эта порода веками выводилась. Какая чистота линий. Обе без отметины. Я думаю, такой пары нет и в Придворном ведомстве.

– Собаки, собаки, – умиленно сказал Гарновский. – Просто удивительно, как они свою роль знают. Где вы таких достали, ваше высокопревосходительство?

– Подарок князя Бисмарка... Ну, бери! – крикнул генерал груму. – Уводи. Слезай, Вера. Сейчас Порфирий пожалуй удивлять нас.

– Конечно, я угадала, – сказала графиня Лиля.

Она подалась вперед, опираясь на зонтик и прислушиваясь. Она вдруг помолодела и похорошела. Румянец заиграл на ее полных щеках. Глаза заблестели, маленький, красивого рисунка рот был приоткрыт, обнажая тронутые временем, но все еще прекрасные зубы.

– Музыка, – восторженно сказала она и приложила маленькую пухлую руку к уху.

Из-за поворота шоссе все слышнее становился залиvistый звон колокольцев и бормотание бубенчиков.

Ближе, слышнее, веселее, ярче, залиvistее становилась игра троечного набора. И вот она вся, тройка буланых лошадей, показалась на шоссе. Вихрем неслась она мимо любопытных прохожих, мимо дач, мелькнула, не пыля по нарочно политому водой шоссе, мимо Афиногена Ильича и его гостей. Качался под расписной дугой широкий, ладный розово-золотистый жеребец, и колоколец на дуге мерно отзванивал такт его бега. Такие же розово-золотистые пристяжки неслись впряжку. Их черные гривы взмахивали, как крылья, прямые хвосты были вытянуты. Стонали на ожерелках и на сбруе бубенцы, заливаясь неумолкаемою песнью. Спицы колес слились в одну полосу. Ямщик, в шапке с павлиньими перьями, в малиновой рубашке и бархатной поддевке, молодецки гикнул, проносясь мимо. Порфирий встал во весь рост в коляске, в накинutoй небрежно на одно плечо «николаевской» легкой шинели, и отдал честь отцу – и все скрылось в мгновение ока, слетело с политого водою участка дороги и запылило облаком прозрачной серой пыли.

– Н-да, птица-тройка, – раздумчиво сказал Карелин, выбрасывая из глаза монокль. – Чисто гоголевская тройка.

Облетев квартал, тройка приближалась снова. Она шла теперь воздушною рысью. Усмирненные бубенцы бормотали, и чуть позванивал серебряным звоном колокольчик на дуге.

– Тпру-у!.. Тпру-у!.. – остановил лошадей ямщик. Еще и еще раз прозвенел мелодично колокольчик: коренник переступил с ноги на ногу. Бубенчики на мгновение залились: пристяжная, отфыркиваясь, встряхнулась всем телом.

Порфирий, сбросив шинель на сиденье, выпрыгнул из коляски и, счастливый и торжествующий, быстрыми шагами подошел к отцу.

– Ну как, папа?

– Что же... Ничего не могу сказать... Очень хороша... Оч-чень... Я чаю, такой тройки и у царя нет.

– У великого князя Николая Николаевича старшего есть еще и получше. Вся серая... Стальная... Кр-расота!.. Да непрочна. Побелеют с годами серые кони – разравняется тройка.

Фролов подошел к лошадям и гладил пристяжку по вспотевшим щекам. Белая пена проступила вдоль черного тонкого ремня уздечки.

– Наши!.. Задонские!.. – сказал он.

– Да. Мой управляющий, бывший вахмистр, все ваши степи объездил. Настоящие калмыцкие «дербеты». А как легки на ходу!.. Пух!..

– Рысака откуда взяли? – деловито, басом спросила баронесса фон Тизенгорст.

– Ознобишинский. На прикидке в бегунках, минута сорок верста, – счастливо улыбаясь, сказал Порфирий.

– Священная у калмыков масть, – сказал Фролов. – Как они вам таких уступили?

– Митрофан Греков устроил. За Маныч с моим вахмистром ездил, все их зимовники обшарил.

– Редкая масть... Изумительно подобраны. Коренник еще и в яблоках.

– Ну, давай, Порфирий, место... Кажется, и сынок твой жалуется удивлять нас, – сказал генерал и сердито нахмурился.

Рослая, нарядная караковая английская кобыла легко и вычурно – так была обвезжена, – бросая ноги широко вперед, везла рысью легкий двухколесный французский тильбюри. Ею правил румяный молодой офицер, совсем еще мальчик, в маленькой меховой стрелковой шапке и в кафтане императорской фамилии стрелкового батальона. Рядом с ним под легким белым с кружевом зонтиком сидела хорошенькая, весело смеющаяся женщина. Из-под соломенной шляпки с голубыми цветами выбились и трепались по ветру легкие пушистые темно-каштановые волосы. Блузка с буфами у плеч, легкая, в фалбалах юбка кремового цвета в голубой мелкий цветочек были как на акварельной картине времен империи. Рядом с женщиной умно и чинно сидел белый, стриженный по законам пуделиной моды пудель с большим голубым бантом у ошейника.

– Боже мой, Мимишка и ее белый пудель! – воскликнула графиня Лиля.

Графиня выговорила «белый пудель» по-английски, и вышло – «белы пудль».

– Нах-хал! – сердито сказал Афиноген Ильич и погрозил внуку пальцем.

Чуть покачиваясь, прокатил мимо мостика тильбюри. Женщина смеялась, сверкая зубами. Флик и Флок встали, насторожили черные уши и жадно и напряженно смотрели на пуделя.

Тильбюри скрылся за поворотом, и, когда показался снова, ни Мимишки, ни ее белого пуделя в нем не было. Рядом с молодцом-мальчиком офицером сидел такой же молодец-стрелок в белой рубахе. Точно и не было в тильбюри никакой женщины, не было и пуделя. Только показалось так... Офицер легко выпрыгнул из экипажа, бросил вожжи солдату и чинно направился к генералу.

– Пор-р-роть надо за такие фокус-покусы, – сказал Афиноген Ильич. – Нах-хал!.. Тут кузина девушка... Тебя за такие проделки из батальона, как пить дать, вышвырнут...

– Дедушка!.. Ваше высокопревосходительство!.. Ничего не вышвырнут. Высочайше одобрено. Вчера великий князь Владимир Александрович смотрел. Очень одобрил. Великий князь Константин Николаевич в Павловске встретил, подошел, смеялся...

– А ты, Афанасий, как показывал-то свой выезд? В полном параде? – беря под руку офицера, спросил Фролов.

– Ну, натурально. С пуделем и со всем, что к нему полагается, – весело и громко, задорно поглядывая на Веру, сказал Афанасий.

Вера не обратила внимания на взгляды Афанасия. Она стояла, далекая от всего того, что происходило вокруг. Вряд ли она и видела все экипажи. Она вдруг перестала понимать всю эту праздную, бездельную, красивую жизнь. Полчаса тому назад здесь, совсем недалеко, убится молодой, полный сил матрос, и там, в деревне... О! Боже мой!.. Что будет в деревне, когда там узнают о его смерти? Как страшен этот мир, с экипажами, лошадьми, бубенцами, странными женщинами и их собачками!.. Где же Бог?.. Где справедливость и милосердие? Где Божия Матерь, о которой так любовно и свято думала она все эти дни? «Пресвятая Богородице, спаси нас»... Нет, не спасет она!.. Ее нет... Если она есть, как может она быть с этими людьми, все это допускать?..

IV

– Что же, – поднимаясь на стеклянный балкон и проходя через него за дамами в столовую, говорил Карелин, – вы показали нам сегодня, Афиноген Ильич, не премировку лучших выездов, которые и премировать нельзя, так различны они и так каждый по-своему хорош, а три политические программы, три настроения, три веяния нынешнего времени.

– Что вы, Аким Петрович. Уверяю вас, об этом и не думано.

– Охотно верю-с. Да вышло-то оно так.

Генерал просил к столу.

– Пожалуйте, баронесса, рядом со мною. Вы, графиня, к сыну, Суханов с Верой рядом, Аким Петрович напротив баронессы...

– Это интересно – то, что вы сказали, Аким Петрович, – произнесла баронесса Тизенгорст, садясь по правую руку генерала. – Поразительно верно. И действительно так... Три нации, три направления нашей политики.

– Ваше высокопревосходительство, вы на празднике будете в каске? – спросил Фролов.

– Ну, натурально, Алексей Герасимович. На иллюминацию и концерт «при пароле» объявлена форма одежды – обыкновенная – каски без плюмажей.

– Совсем будете как, я видал на картинках в «Иллюстрации», князь Бисмарк.

– Вот я и говорю, – продолжал Карелин, – наш генерал с его брэком и ганноверскими конями, с его собаками – это прошлое – блаженной памяти государь Николай Павлович, маневры русских и прусских войск под Калишем⁶ тридцать пятого года. Совсем недавнее прошлое – когда мы дали маститому императору Вильгельму возможность молниеносно разбить французов под Седаном и войти в Париж – памятный семидесятый год... Мудрая вековая политика. Она слабеет последнее время, и ваш сын, Порфирий Афиногенович, предвосхищает близкое будущее – славянофильскую политику, обращение вспять от Европы – птицу-тройку со всю ее анархической лихостью... Да-с, Порфирий Афиногенович, – повернулся Карелин к Порфирию, – ваша птица-тройка сама прелесть, но и анархия-с!.. Русь – не Россия, но Русь!.. Подлинная Русь – и вы, пожалуй, почти современны. В сферах идут колебания... Так вот-с... Ну, а молодой человек, вы далеко пройдете-с... Предвосхищаете-с будущее-с... Альянс с Францией... Самодержавную Русь под руку с демократической республикой Францией.

– Да что вы, Аким Петрович, – запротестовал Фролов. – У нас, батюшка, «Марсельеза» запрещена. Попробуйте заиграть или запеть – квартальный на цугундер потащит... Какой же альянс?..

– И тем не менее, Алексей Герасимович, наша обожаемая цесаревна⁷, чернокудрая с голубыми глазами, отразившими датские воды Северного моря, принцесса Дагмара, имеет все причины ненавидеть объединенную Германию и тяготеть к иному государству. А чего хочет женщина – того хочет Бог.

– Но государь еще не стар, – нерешительно сказал Гарновский. – Ему всего пошел пятьдесят восьмой год.

– Не стар, но сдает, – переходя на французский язык, возразил Карелин. – Он поддался общественному мнению. К чему нам этот славянский вопрос, раздуваемый так в Москве?

---

⁶ ...маневры русских и прусских войск под Калишем... – Калиш – город в Польше. Здесь, а также в Бреславле 27–28 февраля 1813 г. был заключен между Россией и Пруссией Калишский союзный договор против Наполеона I. Этот договор положил начало 6-й антинаполеоновской коалиции.

⁷ ...наша обожаемая цесаревна... принцесса... – В России «цесаревич» – официальный титул наследника престола. С 1797 г. передавался только по мужской линии. Речь идет о Софии-Доротее, дочери датского короля Христиана IX, будущей императрице Марии Федоровне – супруге Александра III, нареченной при замужестве Дагмарой (слав. Маргарита). Бракосочетание состоялось 28 октября 1866 г.

Поверьте мне – Катковы, Аксаковы, Хомяковы не менее вредны России⁸, чем полоумные студенты, что идут просвещать народ в деревни. В нашем дворянстве и в офицерских кругах сердце превалирует над разумом. Идут к Черняеву сражаться за сербов, забывая, что они русские офицеры и их долг думать о России, а не о Сербии.

– Не слушается старого князя Бисмарка, – буркнул себе под нос старый Разгильдяев.

– Позвольте возразить вам, – сказал Порфирий. Он покраснел и был возбужден. Успех его тройки, а он ощущал его без слов, выпитое вино кружили ему голову. Ему было жарко. Мелкие капли блестели на его высоком, переходящем в лысину лбу.

– Пожалуйста. Из столкновения мнений выясняется истина, – сказал Карелин, выбросил монокль из глаза и занялся форелью, положенной ему лакеем на тарелку.

– Мой товарищ по Пажескому корпусу Николай Киреев, мой камер-паж Дохтуров, лейб-гусар Раевский, гродненский гусар Андреев едут к Черняеву в Сербию. Такие люди!.. И, конечно, с высочайшего разрешения.

– Я о том и говорю-с...

– Да ведь это – подвиг, Аким Петрович, самый настоящий подвиг. И я сам сейчас все бросил бы и поехал туда, где братья-славяне, если бы не был уверен, что и без того попаду на войну за освобождение славян.

– Эх куда хватил! – сказал сердито Афиноген Ильич. – Да неужели ты думаешь, что мы будем драться за каких-то братушек? Этого только недоставало!..

– Иначе и быть, папа, не может. Если государь император разрешит этим доблестнейшим офицерам ехать к Черняеву, значит, сербская война и сербская победа угодны его величеству... Государь за славян... В «Новом времени» статья о неудачах и бедствиях сербских дружин заканчивается: «...Нет, не выдадим мы **нашего** Черняева». Этим **не выдадим** дышит вся Россия – от последнего мужика до нас, офицеров корпуса колонновожатых, до самого государя!..

– Н-да-а, – протянул Карелин. – Птица-тройка сорвется, понесет сама не знает куда. В гору, под уклон ли, ей все равно. Хоть в пропасть.

– Нет... Будет война!.. – с убеждением сказал Порфирий и залпом осушил большую рюмку легкого белого вина.

– Какая война? – недовольно сказал Афиноген Ильич. – Брось молоть ерунду. Никто ни о какой войне не думает. Сербам прикажут сидеть смирно, а Черняеву вернуться назад.

– Как, полковник, вы хотите воевать? – спросил Гальяр.

– Ну разумеется. Это наш долг.

– Ваши войска великолепны, но управление ими и особенно снабжение оставляют желать лучшего.

---

⁸ Катковы, Аксаковы, Хомяковы не менее вредны России... – Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». В 30-е гг. был членом литературно-философского кружка Н. В. Станкевича (1813–1840). В 60-е – умеренный либерал. Позже апологет правительственного курса. Один из вдохновителей контрреформ правительства Александра III, заключавшихся в пересмотре реформ 1860-х, введенных Александром II, а именно: восстановление предварительной цензуры, введение сословных принципов в начальной и средней школе, отмена автономии университетов, введение института земских начальников, установление бюрократической опеки над земским и городским самоуправлением. Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – публицист и общественный деятель. Сын писателя С. Т. Аксакова (1791–1859). Один из идеологов славянофильства. Редактор журналов «День», «Москва», «Русская беседа», «Русь». Выступал за отмену крепостного права. В годы русско-турецкой войны был организатором кампании за освобождение славян от турецкого ига. Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – религиозный философ, писатель, поэт, публицист. Один из основоположников славянофильства. В целом его религиозно-философские взгляды основывались на восточной патристике, то есть на учении и произведениях «отцов церкви» II–VIII вв., в которых изложены основы христианского богословия и философии. Все это сочеталось у Хомякова с элементами философского романтизма. Выступал с либеральных позиций за отмену крепостного права, смертной казни, за принятие законов о свободе слова и печати.

– Смею уверить, *mon colonel*, опыт 1855 года не прошел для нас бесплодно. С введением всеобщей воинской повинности армия переродилась. Вы не узнаете нашей реформированной и теперь еще перевооружающейся прекрасными скорострельными берданками армии.

– Ну-ну, – сказал Карелин, – достойный похвалы патриотизм. Не забудьте, милый мой, что за Турцией стоит Англия и возможно, что и Австрия... Перевооружение, о котором вы говорите, еще и не коснулось армии, а только гвардии, кавалерии и стрелковых частей. Обуховские и пермские клиновые пушки хуже английских и немецких...

– Люблю, когда штатские говорят о военных делах!

– Нам, дипломатам, дано и нужно знать военное дело. Ведь, по Клаузевицу – его, вероятно, вы знаете, – война есть продолжение политики⁹. Позвольте нам, прежде чем допустить начало войны, все взвесить. Сколько раз мы воевали с Турцией. Зачем?.. Форсировать теперь Дунай невозможно. Там, где он узок, Никополь и Рушук, первоклассные крепости, запирают его, и при современной артиллерии как вы ими овладеете?.. Там, где крепостей нет, Дунай так широк, глубок и быстр, что представляет из себя непреодолимую преграду. Это признали и немецкие авторитеты.

– Может быть, нарочно, – сказал Фролов.

– Нет, Алексей Герасимович, совсем не нарочно, а из расположения к нашему благородному государю императору. Откуда, Порфирий Афиногенович, вы подойдете, наконец, к Дунаю, который не лежит в пределах Российской империи?

– Подумаешь!.. Сколько трудностей, сколько трудностей, – вздыхая, произнесла графиня Лиля.

– Да хотя бы через ту же Сербию, – быстро сказал Порфирий.

– Никогда Австрия этого не позволит. Для нее это – повод начать войну. А дальше Балканские горы...

– Да! Балканы, – подтвердил Афиноген Ильич. – В бытность мою в Берлине говорил мне князь Бисмарк, что немецкое командование считает, что переход через Балканы для современных армий с их снабжением совершенно невозможен.

– Папа!.. Суворов перешел Альпы...

– Вздор мелешь, Порфирий, у нас нет Суворова.

– Мы его ученики...

– Ну, хорошо!.. Хорошо, – раздражаясь на Порфирия, сказал Карелин. – Допустим, что все у вас прекрасно вышло. Вы орлами перелетели Дунай и Балканы, вы у стен Константинополя... А дальше?..

– Как что дальше?.. Мы войдем в Константинополь. Ведь это заветная мечта русского народа!

– Русский народ, я думаю, и не слыхал никогда про Константинополь, – сказал Гальяр.

– Черное море – Русское море¹⁰, – не слушая Гальяра, по-русски продолжал Порфирий. – Славяне свободны. Славянские ручьи слились в Русском море...

– Не забывайте, что поэт дальше сказал: «Оно ль иссякнет?» – произнес Карелин и с нескрываемою иронией через монокль посмотрел на Порфирия. – А что, ежели и правда иссякнет?

---

⁹ ...по Клаузевицу... война есть продолжение политики. – Клаузевиц Карл (1780–1831) – немецкий военный теоретик и историк; прусский генерал. Участвовал в войнах с Францией. В 1812–1813 гг. находился на русской службе. Последователь философии Г. Гегеля, И. Канта, И. Фихте. Во взглядах его сочетались прогрессивные буржуазные идеи и прусский национализм. В основной работе «О войне» применил диалектический подход к военной теории, разработал принципы стратегии и тактики ведения войны, сформулировал положение о войне как продолжении политики.

¹⁰ Русское море – древнерусское название Черного моря. Упомянулось в летописях при изложении исторических событий IX–XV вв.

– Стойте, стойте, Порфирий Афиногенович, – своим мужским басом энергично вступила в разговор баронесса фон Тизенгорст, – вот уже точно – «птица-тройка»... А Европейский концерт?... Как посмотрит Европа? А европейское равновесие? Я жила эту зиму у моей кузины в Англии, и я знаю, что ни лорд Биконсфилд, ни лорд Солсбери никогда не допустят, чтобы в Константинополе, а потом в Средиземном море появились русские корабли. И смею вас уверить, милый Порфирий Афиногенович, что, как только русские войска подойдут к Константинополю, английский флот войдет в Дарданеллы.

– Не испугаете, баронесса.

– Но, mon colonel, – сказал Карелин, – баронесса София Федоровна совсем и не хочет вас пугать. Я вам тоже должен сказать секретно, что император Франц-Иосиф, граф Андраши и Каллаи, распоряжающиеся австрийской политикой, не могут допустить русского влияния на Балканах. Им Турция много удобнее, чем Россия. Чтобы освободить славян – нужно уничтожить Австрию. Добровольческое движение Австрию не пугает – оно выгодно даже ей, ибо оно ослабляет и Турцию и Сербию. Но вмешательство России? Это уже совсем другое дело... И притом – Румыния... А, нет! Румыния теперь совсем не та, что была при матушке Екатерине или Александре!.. Там нет больше господарей, которых легко было купить, – там теперь демократия, скупщина, и какой там шовинизм!.. «На нас смотрит Европа...»

– Черта с два смотрит Европа на Румынию, – пробурчал себе в густые усы Фролов. – Нужны ей очень эти Руманешти.

– Румыния – любимое детище Европы. Европа не позволит трогать Румынию, князь Бларамберг¹¹ и вице-президент сената Ион Гика – открытые враги России и члены могущественной туркофильской партии.

– Подумаешь!.. Как все это сложно!.. Как трудно!.. Бедный государь, – с тяжелым вздохом сказала графиня Лиля и положила на блюдечко вторую порцию малины со сливками. – Удивительная у вас малина, Афиноген Ильич...

– А Братиану¹²?..

– Что такое Братиану? Бларамберг сказал про него: «Он начал карьеру с Орсини и кончает ее с казаком».

– И отлично!.. Фролов, мотай на ус!.. Братиану – большой патриот. Вы, наверно, знаете, как он ответил на это: «Если бы я знал, что союз с самим чертом, не только с казаком, принесет пользу родине, я и такой союз подписал бы».

– Шутник!

– Как трудно!.. Подумаешь, – шептала графиня Лиля, приканчивая малину. Она одна еще ела, все уже кончили и ожидали ее. – Англия, Австрия, Румыния – и все враги России и славян... А там Биконсфилд, Андраши, Бларамберг – и тоже злейшие враги России. Бедный государь.

Встали из-за стола и перешли на просторный балкон, где был приготовлен кофе. Афиноген Ильич обратился к баронессе:

– Вы позволите курить?

---

¹¹ ...князь Бларамберг... – Бларамберг Иван Федорович (1800–1878) – русский геодезист. Окончил университет во Франкфурте-на-Майне, по приезде в Россию работал в Генштабе (с 1828 г.). Принимал участие в дипломатической миссии в Тегеране (1835). Председатель комиссии Российского географического общества, созданного для составления и печатания генеральной карты Европейской России. Находясь в Иране, произвел съемку бассейна Каспийского моря, составил каталог астрономических и геодезических пунктов на территории России.

¹² Братиану (Брэтиану) Йон Старший (1821–1891) – председатель Совета министров Румынии с 1876 по 1888 г. Возглавлял национал-либеральную партию. Участник «чудовищной коалиции», названного так блока румынских помещиков и крупной буржуазии, который свергнул в 1866 г. с престола князя Александру Кузу и пригласил на румынский престол прусского принца Карла Гогенцоллерна (Кароль I). Правительство Брэтиану провозгласило в 1877 г. независимость Румынского государства от Турции; присоединил Румынию к Тройственному союзу.

Мальчик-грум подал генералу трубку с длинным чубуком и, став на колени, помогал ее раскурить.

V

– Николай Евгеньевич, как вы на это смотрите? – спросила Суханова Вера.

Они стояли вдвоем в стороне от гостей у стеклянной двери балкона. Тремя маршами вниз спускалась широкая лестница. Вдоль нее пышно разрослись в больших горшках розовые гортензии. Перед балконом в круглой клумбе цвели табак, левкой, резеда и душистый горошек. Пригретые полуденным солнцем цветы дышали пряным ароматом. Шмели с тихим жужжанием носились над клумбой. Покоем и ленью веяло от ярко освещенного солнцем сада.

– У меня тошно на душе, Николай Евгеньевич. Неужели и война еще возможна? Вот там на наших глазах матрос убится – одна смерть, – и не могу успокоиться, не могу осознать себя... Не могу понять, как после этого может быть это богатство, красота, лошади, собаки, сытная еда, довольный смех и праздные разговоры... да еще о войне... Ведь на войне массами будут убивать вот таких же матросов и солдат?

– Да, Вера Николаевна.

– Я не могу постигнуть всего этого!.. Скажите... Мне говорили, что вы в Морском училище участвовали в каком-то кружке самообразования.

– Да, – улыбаясь бледной улыбкой, сказал Суханов, – это верно. Нас прозвали «китоловами». Мы мечтали заняться китобойным промыслом, чтобы добыть средства на дело революции. Юношеские то были мечты, навеянные, конечно, чтением Майн Рида, Жюль Верна, Вальтера Скотта и историей Великой французской революции.

– Почему – революции?

– Без революции – вот все так и будет, Вера Николаевна, – войны, засилье богатых и знатных. И мальчик-грум, стоящий на коленях перед генералом...

– Он помогает раскурить трубку. Я и сама стала бы для этого на колени.

– Вы – другое дело... Вы – родственница. Вы по любви стали бы, а не по обязанности. Ведь это как было при крепостном праве, так и теперь осталось.

– Ну, разве?..

– Нет, хуже, чем было тогда. Крепостной знал, что он – раб, а этот думает, что он свободен... А какая же свобода?.. То же «ты», и тот же рабий страх. Тогда только боялись плетей на конюшне, а теперь боятся, что прогонят с места, – голода боятся...

– Да, пожалуй... А как вы думаете?.. Война за освобождение... Ведь это хорошо?.. Как вы смотрите на Черняева и на тех, кто идет к нему?..

– Я знаю, что в революционных кружках обсуждали этот вопрос.

– И что же?..

– В Одессе образовались даже нелегальные комитеты помощи добровольцам, но, когда казенный патриотизм стал проявлять себя, когда об этом заговорили в «Новом времени» и стали писать Катковы, – они загасили искреннее душевное сочувствие сербам... Там сказали – зачем ехать на Балканы и сражаться за свободу славян, когда миллионы русских крестьян продолжают находиться в рабском угнетении?

– Значит?..

– Надо бороться не с турками за свободу славян, а с царским правительством за свободу крестьян. И, если будет война, ее надо использовать. И Англия и Австрия в этом случае не враги наши, но союзники, – понижая голос до шепота, сказал Суханов.

– Вечная борьба – вечное убийство!

– Как у Дарвина в его «Struggle of life». Вы читали?

– Нет...

За стеклянную дверь в саду было тихо. На балконе жарко разгорался спор. Дверь отворилась, и подле Веры появился ее троюродный кузен Афанасий. Его румяное загорелое лицо было краснее, чем обыкновенно. Он был сильно навеселе.

– Иди, Вера, выручай. Папаня мой сейчас в драку полезет с этим штатским дип-пломат-том, черт его дери совсем!..

Вера отвернулась от Афанасия.

– Что, флот?.. Хорош мой выезд?.. А?.. Лучше не выдумаешь?.. На завтрашнем празднике, а?.. Лучший выезд?.. Как это поэт сказал?.. Наш поэт, царскосельский... Гусар!.. Он это понимал по-нашему.

Узоры радужных огней,
Дворец, жемчужные фонтаны,
Жандармов черные султаны,
Корсеты дам, гербы ливрей,
Колеты кирасир мучные,
Лядунки, ментики золотые,
Купчих парчовые платки,
Кинжалы, сабли, алебарды...
В одну картину все сливалось
В аллеях темных и густых
И сверху ярко освещалось
Огнями склянок расписных!..

Навесили склянки, флот?..

– Навесили, Афанасий Порфирьевич... Только вот что: вы прошли бы, прогулялись...

– Вы полагаете, милостивый государь, я пьян?.. Н-н-нет... До этого – еще не дошло-с!..

Но может дойти и до этого!..

Афанасий посмотрел на Суханова тяжелым пьяным взглядом и сказал быстрым шепотом:

– Я люблю Веру!.. И никому ее не отдам!.. Никому! Кроме смерти!.. Слышите?!

Суханов пожал плечами. Афанасий нахмурился, сбежал в сад и скрылся в кустах сирени и желтой акации.

На балконе становилось жарко. И не только от яркого июльского солнца, от сытного завтрака, вина, кофе, ликеров и коньяков, соблазнительно игравших, как самоцветные камни, в хрустальных графинах на передвижном столике, но главным образом от остро разгоревшегося спора между Порфирием и Карелиным.

Гости разместились группами на соломенных креслах, стоявших между тропическими растениями в горшках и кадках. Генерал протянул ноги в узких чакчурах со штрипками и медленно курил через длинный черешневый мундштук трубку, с удовольствием прислушиваясь к словесному бою сына с Карелиным. Флик и Флок покорно лежали на волчьей шкуре у ног генерала. Рядом в плетеном соломенном кресле сидела баронесса, кутившая тонкую дамскую папироску. Она прищуренными глазами смотрела на Порфирия. Графиня Лиля села в углу под большую пальмой напротив Порфирия и уже не скрывала влюбленности и обожания в своем взгляде. Фролов в длинном темно-синем чекмене прохаживался позади Порфирия и, куря папиросу, вставлял временами слово в спор.

– Масонство... масонство! – кричал Порфирий. – Вот что губит Россию через ваше ведомство иностранных дел.

– Весьма странных дел, – баском вставил Фролов, подошел к столику и налил себе большую рюмку коньяка. – Ар-ром-мат... – сказал он, прикрывая глаза и нюхая коньяк. – Благородный напиток!

– При чем тут масонство, – пожимая плечами, сказал Карелин, вставил монокль в глаз и посмотрел на Порфирия строгим взглядом. – Масоны не только у нас... Они во всех слоях европейского культурного общества...

– Потому-то это европейское культурное общество и покровительствует турецким зверствам и угнетению славян, потому-то оно и прогнило насквозь. Масонство – это тот же интернационал. Международное братство, преследующее свои темные, мировые цели, но не цели государственные. Когда этого не было – была Россия. Россия прежде всего... А нынче?.. Нет, это еще и раньше началось. С императора Александра I да вот с этих Нессельроде, со времен конгрессов с их Меттернихами началось это кисельное поддавание иностранной указке.

– Свели на нет успехи и победы четырнадцатого года; после доблести Севастополя – устроили Парижский мир, – пробасил Фролов.

– Народам нужно жить в мире, и для этого необходим какой-то стовор, – сказал по-французски Гальяр.

– Вот ваши масоны и сговариваются за счет России.

– Да ничего подобного. Все ваше воображение, – сказал Карелин.

– Нет-с, раньше было не так-с!.. Не так это было раньше. Петр Великий, учреждая в 1720 году Иностранную коллегию, писал: «К делам иностранным служителей коллегии имеет верных и добрых, чтобы не было **диряво**, и в этом крепко смотреть...» Наверное, знаете?.. Золотыми буквами надо это у вас на Певческом мосту выбить.

– Ну-ну, – сказал Афиноген Ильич.

– А пошли – масоны, и стало – **диряво**!..

– А при императрице Елисавете Петровне да при матушке Екатерине – не нами Европа командовала, а мы предписывали Европе, и что хотели, то и делали, – сказал Фролов.

– Птица-тройка, – сказала, снисходительно улыбаясь, баронесса фон Тизенгорст.

– Верно, казак!.. Тогда английский посол жаловался своему правительству, что русские мало опасаются других держав, – сказал Порфирий, – ну а напустили масонов, и пошло все шиворот-навыворот.

– Ну-ну!.. Каково, Аким Петрович!.. Наступление по всему фронту.

– Тогда были у нас Суворов, Потемкин и Бецкий, – сказал Гарновский.

– А потом, извините, Аким Петрович, пошел чиновник... Да это еще полбеды, а то пошел масонский интернационал, и российские дела решаться стали в ложах.

– Все это бездоказательно.

– Как, батюшка, бездоказательно?.. – сказал, останавливаясь против Карелина, Фролов. – Порфирий дело говорит. Вот вы сейчас по славянскому вопросу говорили – кого называли?.. Биконсфилд, лорд Солсбери, Андраши, Каллаи, Бларамберг, Ион Гика... Кто они? Масоны!.. Позвольте, батюшка, за государем императором сто пятьдесят миллионов его верноподданных, так уже позвольте ему самому решать славянские судьбы так, как это ему будет благоугодно-с!.. Не слушаясь ни английской, ни австрийской, ни румынской указки. Победим и тогда возьмем себе, что найдем нужным.

– Раньше надо победить, – сказал Гальяр.

Фролов посмотрел на него таким взглядом, в котором графиня Лиля ясно прочитала: «Ты-то чего говоришь, «лягушатник»?..»

– Да мы-то победим, – сказал Порфирий, – а вот что вы потом за зелеными столами конференций или, не дай бог, конгресса скажете? Вот что страшно.

– Поверьте, милый Порфирий Афиногенович, сидеть за зеленым столом конференции – не в штыки ходить и не «ура» кричать. Потруднее будет!

– А вы в штыки ходили?.. Пробовали?.. – запальчиво крикнул Порфирий и вышел с балкона в сад.

– Ну... ну, – сказал Афиноген Ильич. – Не пора ли, господа, для успокоения страстей засесть за зеленый стол с картами и перейти к мирному сражению? Вы как, Аким Петрович?.. Баронесса – три роббера?

– Охотно, генерал... Занесла тройка вашего сына... А хорошо!.. Люблю такие споры!..

– Так идемте, господа!.. За дело!..

VI

До 1876 года на императора Александра II было два покушения. Одно следовало за другим на протяжении всего одного года. Одно было понятно государю – месть патриота-поляка за 1863 год¹³. В Париже, куда государь ездил на Всемирную выставку 1867 года, при возвращении со смотра, когда коляска медленно ехала через народные толпы, непривычно шумные, где сквозь восторженные крики «Vive la Russie!.. Vive le Tzar!» иногда вдруг раздавались резкие, оскорбительные свистки и крики: «Vive la Pologne!», – поляк Березовский внезапно выбежал из толпы и, вскочив на подножку коляски государя, стрелял в императора... Промахнулся...

Но государь понимал: Польша не могла любить Россию. Это было печально и тяжело. Среди поляков могли быть мстители. То, что это произошло во Франции, где хозяева не уберегли гостя, – оставило мучительное, едкое воспоминание.

Выиграла Пруссия. В начавшейся три года спустя Франко-прусской войне Россия держала нейтралитет. Пруссия могла бросить все свои силы на Францию. Плохую услугу оказал Березовский приютившей его стране...

За год до этого, 4 апреля 1866 года, когда государь возвращался с прогулки в Летнем саду, у самых ворот, идущих к Неве, к нему быстро подошел высокий человек в черном сюртуке и, выхватив револьвер, выстрелил в упор в государя. Другой прохожий бросился на него и ударом кулака отвел выстрел. Государь не был затронут.

Стрелявший оказался крестьянином Каракозовым¹⁴. Спас государя Осип Иванович Комиссаров – тоже крестьянин, шляпный мастер. Государь пожаловал Комиссарова в дворянское достоинство.

Тогда государь спокойно вернулся домой в Зимний дворец, оттуда поехал в Казанский собор служить молебен. По всему пути стояли народные толпы. Громовое «ура» не смолкало. В Зимнем дворце в Белом Георгиевском зале были собраны все офицеры гвардии. Когда по возвращении из собора государь вышел к ним – его встретили с неопишуемым восторгом.

Это покушение озадачило государя. Так, недавно государь своею волею, встречая небольшое сопротивление, с большими усилиями и трудом освободил крестьян. Один из освобожденных покушением на убийство ответил государю на его труды и заботы.

Это было гадко и мерзко. Но вся Россия взволнованно приветствовала государя и ликовала по поводу чудесного его спасения. Студенты в Москве служили благодарственный молебен у Иверской иконы. Сто пятьдесят миллионов народа было за государя – один человек против. Никто за Каракозовым не стоял. Он был цареубийца-одиночка.

После этого не было покушений на жизнь государя. Полиция доносила о существовании подпольных кружков, находила «прокламации» – все это было мелко и ничтожно, руководили всем этим из-за границы и по сравнению с тем огромным делом, которое делал государь, было так малоприметно, что государь не думал об опасности для своего престола.

Государь открыто, без конвоя и охраны, ездил по городу, гулял в Летнем саду, появлялся среди народа. Воспитанный своим отцом, Николаем I, в сознании святости государева долга и презрении к опасности, считая себя бессменным часовым на российском посту, государь смело смотрел в лицо смерти.

Он знал, что нужно, чтобы народ видел его, чтобы армия знала его, и приятно, радостно или тяжело это было, государь об этом никогда не думал – он ездил на смотры, на парады,

---

¹³ ...месть патриота-поляка за 1863 год. – Имеется в виду восстание против царизма в январе 1863 – мае 1864 г. в королевстве Польском, Литве, части Белоруссии, на Правобережной Украине. Восстание было подавлено.

¹⁴ Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866) – революционер. 4 апреля 1866 г. совершил неудавшееся покушение на Александра II. Был повешен.

народные гулянья, маневры, совершал долгие поездки по другим округам России, отстаивал длинные церковные службы, принимал министров, бывал в театре не потому, что та или другая пьеса нравилась ему, но потому, что это было **нужно**.

Все это наружно, для других казавшееся просто приятным развлечением, в конце концов было очень утомительно, и нужен был отдых от напряженной императорской дворцовой и смотровой атмосферы. Отдых от ответственности за каждое сказанное слово.

В семье не было отдыха. Там была не жена – но государыня императрица, не дети, но наследник-цесаревич и великие князья. Там был тот же строгий этикет императорской фамилии.

С годами потянуло государя к спокойному, не дворцовому, а домашнему очагу. Этот очаг ему создала в 1868 году молодая девушка, княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. Государю было пятьдесят лет – Долгорукой семнадцать, когда они сошлись. Девушка «с газельими глазами» сумела простотою обращения пленить государя, и он полюбил ее крепкою, последнею любовью.

Таково было семейное внутреннее положение государя Александра II, когда ему пришлось решать один из самых трудных и сложных вопросов его царствования – вопрос о войне.

VII

Точно, секунда в секунду, как было назначено, государь в кавалергардском вицмундире, в каске без плюмажа, с императрицей Марией Александровной, чье тезоименитство¹⁵ праздновалось в этот день, в открытой коляске въехал в ворота Нижнего сада и поехал вдоль иллюминированных аллей. Камер-казак сидел рядом с кучером. За государем на паре с пристяжной, стоя в пролетке, ехал петергофский полицмейстер, за ним в коляске наследник с супругою и далее великие князья... Их сопровождало, перекатываясь по аллеям парка, народное «ура».

Оно, сначала негромкое, стало слышно у Монплезира, где собралась избранная публика, которую пускали по особым билетам. «Ура» быстро приближалось и становилось громче и дружнее. Разговоры среди народа, собравшегося слушать концерт, прекратились. Музыканты в красных кафтанах встали за пюпитры.

«Ура» приблизилось. Испуганные, разбуженные птицы метались в древесных ветвях.

Вера, стоявшая с графиней Лилей в одном из первых рядов скамеек перед эстрадой, почувствовала, как вдруг сжалось ее сердце и потемнело в глазах. Она не хотела идти на концерт. Все эти дни она боролась с собою, принудила себя пойти с графиней, надеясь, что победит себя. Сейчас поняла, что не сможет справиться с собою. Все казалось ей фальшивым, скучным, ненужным.

Капельмейстер поднял палочку. Торжественное настроение охватило всех. Оно не передалось Вере, напротив, еще более смутило ее.

Скрипя колесами по гравии, подъехала коляска с государем. Государь поднялся с сиденья, сошел на дорожку и подал руку императрице.

В тот же миг грянул народный гимн.

– Лиля, я не могу больше, – сказала Вера и пошла через толпу сзади великих князей.

– Это невозможно, Вера.

– Я не могу.

Прекрасный, величественный, могучий и властный гимн лился с эстрады:

– «Царствуй на славу нам!...»

Конногвардейский ротмистр в красивых черных бакенбардах шикнул на графиню и Веру.

– Барышне дурно, – прошептала по-французски Лиля.

Ее лицо было покрыто красными пятнами. Ей было стыдно за Веру.

На большой дороге у фонтана «Сахарная голова» стояла благоговейная тишина. Лошади, впряженные во множество колясок, одиночек, пар и троек, точно сознавая величие минуты, не шевелились. Кучера, ямщики и грумы сняли шапки и сидели неподвижно на козлах. Сквозь переплет темных ветвей несло:

– «Царствуй на страх врагам!...»

Вера и графиня Лиля выбрались из толпы. К ним подошел среднего роста человек в несколько странном, точно не по нем сшитом костюме. Длинный сюртук, распахнутый на груди, и светло-серые брюки в коричневую клетку были от разных костюмов. Широкий ворот рубашки с опущенным вниз шарфом открывал бледную тощую шею, откуда росла светло-русая, не знавшая бритвы, мягкая, выющаяся кольцами борода. Жидкие усы свисали к большому узкому рту. Редкие светлые волосы были небрежно причесаны на пробор. В нем было все, как сейчас же подумала графиня Лиля, не «*comme il faut*» и не для такого места. Не будь скандала с Верой, графиня Лиля не признала бы его. Но теперь она обрадовалась ему.

---

¹⁵ Тезоименитство – именины, день ангела. Употреблялось это понятие, как правило, когда речь шла о высоких особах, в частности царственных.

– Князь, – вполголоса окликнула она молодого человека, – как, и вы тут?..

– Как видите, Елизавета Николаевна.

– Вере дурно... Помогите мне.

– Но, Лиля, мне совсем не дурно... Просто мне все здесь стало вдруг до тошноты противно.

Князь Болотнев с удивлением посмотрел на девушку. Сзади неслось «ура». Требовали повторения гимна.

– Гимн!.. Гимн!.. – неслись голоса сквозь крики ура.

Снова грянул гимн...

Графиня Лиля, Вера и князь Болотнев вышли на узкую песчаную дорожку, шедшую от Монплезира вдоль берега залива. Справа плескало спокойное море. Вал за валом невысокая волна набегала на берег и с шипением разливалась по песку. Камыши тихо шептали. Слева стояли густые кусты. Сладкий запах цветущего жасмина сливался с запахом моря и кружил голову. Никого не было на дорожке. Весь народ теснился там, откуда доносились волнующие, мощные, плавные звуки прекрасного русского гимна¹⁶.

– Ну, тут, кажется, нет ни жандармов, ни «гороховых пальто» и можно накрыть голову¹⁷, – сказал князь, надевая помятый цилиндр – за такие «круглые» шляпы при Павле на гауптвахту сажали и в Сибирь ссылали... А нынче – *liberte*.

– Князь, зачем вы сюда приехали?.. Как вы сюда попали?..

– Вы хотите спросить, Елизавета Николаевна, как меня сюда пропустили?.. Я все-таки – князь... Я бывший – паж... И мне так легко было через моих товарищей получить нужный пропускной и притом «розовый» билет. Мы ведь ужасно как доверчивы... Да, впрочем, и я человек безобидный. Зла я никому не желаю. А приехал почему?.. И сам не знаю, почему и для чего. Люди едут, и я поехал. Должно быть, от скуки.

Теперь, по излишней словоохотливости князя, графиня Лиля с ужасом заметила, что князь находится подшофе, что легкий запах идет от него, и ей стало жутко и противно.

– Князь, – сказала она брезгливо, – мне говорили, что вы... пьете?..

– И курица пьет, Елизавета Николаевна... Вы думаете – Болотнев опустил и пьет!.. Какой ужас!.. А когда наша золотая молодежь напивается до положения риз, когда блестящий отпрыск разгильдяевского рода Афанасий лежит на полу и ловит за ноги проходящих – это «нужно, чтобы молодость перебесилась»... Кровь играет... Я пью, чтобы ничего не делать.

– Но почему вы ничего не делаете?.. Почему не работаете, не служите?

– Не работаю?.. Елизавета Николаевна, а вы?.. Простите... Работаете?..

От неожиданности и дерзости вопроса графиня Лиля остановилась. Она никогда не задавала себе такого вопроса. Она была так занята!.. Она даже не успевала сделать всего, что нужно было. Сколько времени отнимал у нее уход за увядающей красотой, прогулки, чтобы похудеть, светская переписка, она читала по-немецки и по-английски вслух генералу Разгильдяеву, она давала ухаживать за собою Порфирию, «шаперонировала» Веру... А карточные вечера; зимою Таврический каток, абонемент в балет, опера, Михайловский театр, «выходы» во дворце, вечера у баронессы фон Тизенгорст, где все бывали... Как можно сказать, что она ничего не делает... Но сказать князю, чем именно наполнено ее время, графиня Лиля не решилась.

– Видите... – проговорил князь Болотнев. – Ну вот и я так же, как и вы... Я не пошел «в народ», что теперь в некоторых слоях общества так в моде.

---

¹⁶ *Русский гимн*. – Имеется в виду «Боже, царя храни...».

¹⁷ ...ни жандармов, ни «гороховых пальто»... – Так называли сыщиков, носивших пальто горохового цвета. Эта метафора связана с произведениями Салтыкова-Щедрина.

– Почему?.. – спросила Вера.

– Потому, Вера Николаевна, что, по глубокому моему убеждению, научить какого-нибудь мальчика грамоте хуже, чем научить его пить водку.

– И без науки отлично умеют пить, – пожимая плечами, желчно сказала графиня Лиля.

– И хорошо делают... Кто пьет, тот правду разумеет, для того жизнь копейка, тот спит в жизни, а кто спит, тот не грешит, ибо не видит всей глупости и бессмысленности жизни.

– Всякой, князь?..

– Всякой, Вера Николаевна... Позвольте – вот скамейка... В ногах правды нет... Давайте сядем.

Вера охотно согласилась, пришлось сесть и графине Лиле. В присутствии этого человека – «пьяного» – она теряла почву под ногами. Князя Болотнева она знала с детства.

Князь принадлежал к верхушке русской аристократии. Гедиминович по женской линии¹⁸, с примесью татарской крови по мужской, он был бы везде желанным, если бы не его странности, не его нигилизм... Отец выгнал князя из дому за то, что его выпустили из Пажеского корпуса в штатские – и не по болезни или физическому недостатку, с этим старый князь еще помирится бы, но из-за «внутренней непригодности к военной службе». То есть из-за его убеждений. «В шестнадцать лет какие могли быть убеждения у этого распущенного мальчишки?» Графиня Лилия поджимала губы. «Вот что ужасно, – думала она. – Измена дворянства... Эти отвратительные декабристы... Со времен Чаадаева пошло!..¹⁹ А теперь этот мерзкий князь Кропоткин²⁰, удравший за границу и, говорят, там, в Париже, в семидесятом году сражавшийся вместе с коммунарами! Какие гадкие пошли люди в «нашем» кругу. Тоже и граф Лев Николаевич Толстой. Фет говорил, что Толстой сказал, когда узнал о неудаче покушения Каракозова на государя: «Для меня это был смертельный удар». Откуда в людях «нашего» круга эта звериная, дьявольская злоба?.. Толстой, когда ему сообщили, как восторженно принимал народ государя после покушения, сказал: «Сапоги всмятку – желуди говели». Подумаешь!.. Умно сказал!.. Князя Болотнева отец прогнал, а ему хоть бы что!.. Доволен. Точно гордится своим положением. Хвастает... Подумаешь!.. Есть чем гордиться – отец прогнал!.. Соня Перовская, милая, светская, глупенькая барышня²¹, ушла из дому... В народ пошла от отца с матерью! Сколько горя доставила родителям!.. Какой ужасный век!..»

Графиня ежилась. Ночь была теплая, но графине под шелковой мантильей, подбитой легким мехом, казалось холодно.

«Подумаешь!.. И все это идет под флагом любви к ближнему, под флагом христианского учения, жертвенности, справедливости, самопожертвования и иных добродетелей, а на деле приносит одно зло, ненависть и вражду...»

На темном небе играли звезды. Воды залива отражали их. Море казалось черным. Вдали на пристанях – казенной и купеческой – горели огни на судах. Лодки с фонариками ходили подле темных плотов со столбами, точно с виселицами. Там шли окончательные приготовления к фейерверку.

¹⁸ Гедиминович по женской линии... – То есть потомок великого князя литовского Гедимина. Внук Гедимина Ягелло стал основателем польской династии Ягеллонов. На Руси княжеская ветвь Гедиминовичей – вторая по знатности после Рюриковичей.

¹⁹ Со времен Чаадаева пошло!.. – Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – религиозный философ. Философско-исторические взгляды сложились под влиянием идей католического провиденциализма и социального христианства. В «Философических письмах» высказал критическое отношение к русской истории, православию, самодержавию, крепостничеству. В «Апологии сумасшедшего» (1837) выразил веру в историческое будущее России.

²⁰ ...этот мерзкий... Кропоткин... – Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – князь; революционер, теоретик анархизма, географ и геолог. Совершил ряд экспедиций по Восточной Сибири. В 1872–1874 гг. – член кружка «чайковцев». С 1876 по 1917 г. – в эмиграции, участник анархических организаций; член разнообразных научных обществ.

²¹ Соня Перовская, милая, светская, глупенькая барышня... – Перовская Софья Львовна (1853–1881) – революционерка-народница. Член кружка «чайковцев», участница «хождения в народ», член «Земли и воли», входила в исполком «Народной воли». Организатор и участница покушений на Александра II. Повешена в Петербурге 3 апреля 1881 г.

У ног графини Лили утихавшие, смиряющиеся морские волны с ласковым шепотом лизали нежный песок. От наломанных прошлогодними бурями черных камышей пахло илом, водою и рыбой.

Прекрасен был мир.

Углубившаяся в свои мысли графиня Лиля прислушалась. Теперь говорила Вера. Она говорила этому пьяному с такою искренностью, точно исповедовалась перед ним.

– Как все то, что вы говорите, ново, князь!.. Я все эти дни сама не своя... Была... и так недавно, спокойна, так глубоко, глубоко, до дна души счастлива... и вот – оборвалось... И знаете, так жутко стало, и точно – пелена с глаз... Третьего дня это случилось... Тут готовили иллюминацию, и... матрос убился на моих глазах... Как же это можно так? Какой же ужас тогда жизнь!.. Нога дергалась, и жизнь ушла... И стало так тихо... И страшно, князь... Смерть. Я раньше никогда об этом не думала... А тут задумалась и вот не могу... не могу... жить...

Вера замолчала и сидела, опустив голову. Князь достал трубку и, не спрашивая разрешения дам, стал медленно, со вкусом раскуривать ее.

– Вот оно, – начал он отрывисто, между затылками, пытаясь вонючим дымом дешевого табака, – вот оно именно то, что составило основу моего мышления. Это я и от Кропоткина слышал... Ему брат из-за границы писал. Впереди каждого человека ожидает смерть. И это **единственное** в жизни, что **верно** и **неизбежно**. Там о богатстве, славе, здоровье – можно гадать, предполагать, ожидать – о смерти гадать не приходится: она придет!.. Ну а если так, то для чего и трудиться?.. Я мог бы быть офицером... там, скажем, кавалергардом каким-нибудь... Подтягивать, пушить людей... «Э, милый мой, – передразнил князь кого-то, – как, любезный, стоишь!.. Я тебе в морду дам, понимаешь, братец ты мой!..» Чувствуете, Вера Николаевна, всю эту игру слов и выражений? Это же прелесть!.. А для меня это ужас!.. Служить, даже ничего по существу не делая, – это труд... А мне труд противен. Если впереди смерть, то для чего и трудиться?.. Так, кажется, где-то и в Евангелии сказано. Вредная, знаете, книга... Пробовал я читать... «Фауста» Гете прочел, Гершелеву «Астрономию», «Космос» Гумбольдта, «Философию теологии» Пэджа, «Капитал» Маркса, «Бог перед судом разума» Кропоткина – все запрещенные книги, все о том, что Бога нет, а есть материя и в ней борьба за существование. Капля воды под микроскопом и в ней микробы – вот и весь наш мир... А затем смерть... то есть – ничего. Ну так и жить не стоит...

– Послушайте, князь... Вы говорите это девушке, да еще так сильно потрясенной нервно.

– Я, Елизавета Николаевна, не учу... Я не пропагандирую. Я ведь рассказываю о том, что сам пережил и перечувствовал... Мне ведь, знаете, трудно. Ужасно, знаете, трудно без Бога... А нужно... Нужно приучать себя к этой мысли, что спасения нет, и быть самому в себе.

– Не проповедуете?.. Не учите?.. Подумаешь!.. Да ведь то, что вы сейчас говорите, и есть самая страшная проповедь анархии.

Графиня Лиля старалась быть спокойной. Она боялась, что лицо ее снова покроется пятнами и станет некрасивым.

Сзади из парка, приглушенные деревьями, неслись звуки музыки. Придворный оркестр играл увертюру из «Жизни за царя»²². Сердце графини сжималось от восторга и любви к государю, и так было досадно, что приходилось сидеть у моря с этим пьяным, а не быть там, где в пестрых лампонах горят плошки на мачтах, где светло от керосиновых фонарей, гделюдно, весело и где можно услышать, о чем говорил государь, какие награды будут в полках кавалергардском, кирасирском ее величества и лейб-драгунском, где шефы – именинницы сегодня. А приходится слушать глупые разглагольствования пьяного князя.

Теперь князь вяло и скучно говорил, точно резину жевал:

²² ...играл увертюру из «Жизни за царя». – «Жизнь за царя» (1836) – первоначальное название оперы Михаила Ивановича Глинки (1804–1857) «Иван Сусанин».

– Я пью... Я не напиваюсь... Напиваться противно. У меня желудок слабый – последствия отвратительные... А то иногда я хожу все утро по городу. Грязь, слякоть, лужи... Едва не попаду под извозчика... Сумерки, осень, дождь... Это я люблю... Петербург тогда точно призрак. Величественен и страшен. Гранитная панель, гранитные дома. Мраморный, темно-серый дворец... И Нева!.. В Неве в такие вот осенние сумерки есть что-то волнующее и страшное. Того берега не видно. И хорошо, что не видно... Там крепость... Брр!.. Черные волны плещут в гранит набережной. У пристани качаются ялики. Точно край света... И станет страшно... Я приду домой. Ноги сырые, в комнате холодно. Растапливать печь – лень. Зачем?.. Я укроюсь сырым пледом и вот тогда пью... Немного. Три, четыре шкалика... Побежит тепло по жилам. Я лежу на жесткой койке и думаю. Часто думаю о самоубийстве. Но и самоубийство – труд... И тогда – разные мысли... Знаете какие?! Простите, но мы все – идиоты! Вы слышали, молодежь – студенты, курсистки – в народ идут... Что – то делать. Мне это ужасно как нравится – «нужно что – то делать». Так ведь и у декабристов было. Им нужно было убивать государя и всю царскую семью, а они?.. Что – то делали... Больше болтали, впрочем... Да и теперь. Что – то делать, а там все само выйдет... Нет, знаете, Аракчеевы, Петры, Фридрихи – они умнее были. Они знали, что нужно делать. Разводы караулов, смотры, шагистика, ружейные приемы – это не что – то... Странные мысли... Так и лежу... Часами. И времени не вижу.

– Вы служили бы, князь, – с отвращением сказала графиня Лиля.

– «Служить бы рад – прислуживаться тошно» – это Чацкий в «Горе от ума» у Грибоедова, а Щедрин написал: «На службе одни приказывают, а другие смотрят, чтобы приказания исполнялись».

– Что-то очень уж мудрено, – сказала графиня.

– Если мудрено – это не я, а Щедрин. Это, Елизавета Николаевна, век такой... Больной век... Реформы... Крестьян освободили, а людьми не сделали... Кухаркины сыновья в гимназии пошли – образованными становятся, а все в бабки играют... Сословия равняют. Суд скорый, гласный и милостивый, присяжные заседатели, защитники, прокуроры. Какие речи говорят, каких преступников оправдывают!.. Теперь подняли вот славянский вопрос... Какой полет!.. Не сверзимся ли мы оттуда в бездну?.. Выдержим ли?.. А я лежу и думаю... От водки, что ли?.. Ничего не надо... Нужно опять допетровскую Русь... и медленно, спокойно. От теремов и бань не к ассамблеям немецким, а к хороводам... Патриарх благостный, «на осляти» в Лазареву субботу через Москву едет, и царь перед ним на колени... Везде благолепие, молитва и добротолубие... Так чтобы было, как в Китае, что ли? Длинные одежды, накрашенные и насурьмленные лица женщин, и опять слуги... рабы... А ну!.. Не чепуха ли всмятку?..

– Вам делом заняться нужно. На что вы живете?

– Милостями людскими. Помнится, и вы, Елизавета Николаевна, мне как-то десятку прислали, когда узнали, что я без сапог хожу. А делом заняться?.. А что такое дело?.. Чистое равнение во фронт?.. Это дело?.. Или судебные речи?.. Тоже, если хотите, – дело!.. А по мне, что землю пахать, что водку пить – все одно дело...

Графиня Лиля встала. Ее терпение иссякло.

– Вера... Концерт подходит к концу. Твой дед будет сердиться, если не найдет тебя на твоём месте. Мы дойдем, князь, одни. Вера теперь успокоилась.

– Как вам угодно, Вера Николаевна... Я с удовольствием покурю здесь в полном уединении, размышляя о конечности вселенной, о движении миров, о звездах и планетах... Пока не повалит сюда толпа смотреть игру потешных огней... Народ любит игрушки, а я не люблю народа...

VIII

В конце октября на Петербург налетели сухие морозы. Гололедица стала по городу. Скользили и падали извозчичьи лошади. Нева потемнела, надулась и текла величавая, спокойная, дымящаяся густым морозным паром. Деревья садов, бульваров и парков покрылись седым инеем, разбухли и стояли очаровательно красивые. Пруды в Таврическом саду замерзли, были опробованы, и Дворцовое ведомство открыло на них каток. На каток этот пускали по особым приглашениям. Там собирался петербургский свет. Там часто каталась красавица великая княгиня Мария Павловна, а в те дни, когда наследник-цесаревич приезжал в Петербург из Гатчины, на катке можно было видеть стройную цесаревну в короткой шубке, с необычайной грацией скользившую на коньках. Иногда приезжал на каток государь император и, сидя в кресле, закутавшись в шинель с бобровым воротником, смотрел, как резвилась на льду молодежь.

По четвергам и воскресеньям играла военная музыка. Устраивались кадрили на коньках, потом под звуки вальса кружились изящные пары, выписывая коньками затейливые вензеля.

Как только графиня Лиля узнала, что каток открыт, она пришла за Верой.

– Порфирий придет позднее, – сказала она. – Он занят... Он не катается на коньках. Мы с ним будем потом пить чай на катке.

В эту осень графиня похорошела и точно стала моложе. Веселый, счастливый огонь постоянно горел в ее блестящих, выпуклых глазах, румянец не сходил с ее полных щек, и очаровательна была улыбка маленьких, ярких губ.

В белой горностаевой шубке, в такой же шапочке, в светло-серой суконной короткой, выше щиколоток, юбке, в высоких башмаках с привинченными к ним норвежскими коньками графиня Лиля смело и ловко сходила на синеватый, еще не исчерченный коньками, тонкий лед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.